

„Регион, нация, мир? О растворении пространств в новейшей историографии“

Проф. Дирк ван Лаак (Институт истории, Университет Юстуса Либига, Гиссен)

Дамы и господа, прежде всего благодарю за возможность быть здесь и выступить перед вами. Тем не менее, я начну свое выступление с небольшого нарушения правил хорошего тона, поскольку сначала хотел бы сказать о себе самом. Прошу Вас быть снисходительными и учесть, что готовясь к визиту в Казань и сегодняшнему докладу, я не только радовался тому, что профессия историка приводит меня в действительно фантастические места. Я также поражался тому, как сильно переменялась за те прошедшие 30 лет, которые я занимаюсь историей, ориентация на *историческое пространство*, а равно и *пространство исторического*. В дальнейшем я попытаюсь рассказать о некоторых центральных процессах и категориях, через которые можно увидеть, что пространственные представления в новейшей историографии все в большей степени растворяются (*verflüssigen* букв. «разжижаются» - прим. пер.).¹ Конечно, оговорюсь, все это с точки зрения центрально-европейской перспективы.

Когда в начале 1980-х гг. я занялся изучением исторических наук, еще была в разгаре холодная война. Ее отличало практически остановившееся время и, казалось, четкие пространственные и идеологические границы.² Старая Федеративная Республика Германия была еще разделенным государством, и западногерманские историки в большинстве своем занимались еще своей национальной историей. Но вектор интересов историков ясно указывал в направлении все более мелких пространств и сообществ. Веянием времени была история повседневности и открытие того, что так называемые «нормальные люди» тоже проживали и создавали историю.

Итак, все больше предметом исторического изучения становился собственный регион, собственный город или собственное место работы. При этом ученые осознали, что свое место в истории занимали и женщины, и люди, не причастные к власти и состоянию, и меньшинства или маргиналы. Интерес тогда вызывало все, что представлялось очень конкретным и образцовым для определенного места или для

¹ Речь идет при этом о следующих категориях: история повседневности (Alltagsgeschichte), национальная история (Nationalgeschichte), история международных отношений (Internationale Geschichte), история международных организаций (Geschichte internationaler Organisationen), история глобализации (Geschichte der Globalisierung), колониальная история (Kolonialgeschichte), транснациональная история (Transnationale Geschichte), перекрестная история (Verflochtene Geschichte), глобальная история (Globalgeschichte), всемирная история (Universalgeschichte), история регионов (Area Studies), глокализация (Glokalisierung), большая история (Big History).

² Об этом: Melvyn P. Leffler/Odd Arne Westad (Hg.): The Cambridge History of the Cold War, 3 Bde., Cambridge u.a. 2010.

ограниченного пространства. Для национальных границ от этого ничего не поменялось, но исторические пространства осваивались все более тщательно.

Зато из-за национальных границ, во всяком случае, шли импульсы для методологии исследований. В случае так называемой «истории повседневности» (Alltagsgeschichte), которую я имел в виду выше, это были Швеция и США, в других случаях Франция, Италия или Великобритания.³ О Советском Союзе в Федеративной Республике тогда знали лишь немногие специалисты, да и то это было в основном очень приблизительное знание. Историография в 1980-х гг. все еще жила в основном в национальных рамках; мало было тех, кто интересовался международными отношениями, а чем-то вроде всемирной истории (Weltgeschichte) – и того меньше. Среди западногерманских историков даже началась острая и длившаяся больше двух лет дискуссия по поводу того, можно ли вообще допускать определенные сравнения стран и систем, например национал-социализма и сталинизма. Многие, из весьма сложных соображений, это отвергали.⁴

Все это, разумеется, изменилось после политических перемен 1989, 1990 и 1991 гг. Не каждому сразу стали ясны далеко идущие последствия этих событий. Когда в Германии пала Берлинская стена, я как раз сидел дома и занимался подготовкой к своим выпускным экзаменам в университете. Об эпохальных событиях в Берлине и других местах я узнавал лишь мельком. Историки тоже не всегда замечают, когда действительно совершается история. Свою выпускную работу я написал об одном аспекте из истории немецкого фашизма и преследования евреев – естественно, на конкретном примере нескольких городов, в которых я вырос.

Следующая затем моя диссертация хотя и касалась также немецкой тематики, но все же там и сям уже выходила за национальные границы. Историческую личность, которой я занимался, знали по всей Европе, читали даже в США и Японии.⁵ Моя первая университетская должность привела меня затем в Восточную Германию, город Йена, который был на территории бывшей ГДР. Там я смог приобрести богатый опыт того, как уничтожение границы привело и к перемешиванию, и к новым разграничениям иного рода. С сегодняшней точки зрения речь в этом случае шла о транснациональном переплетении в национальных рамках.

³ О ее истории см. Dirk van Laak: *Alltagsgeschichte*, in: Michael Maurer (Hg.): *Aufriss der Historischen Wissenschaften*, Bd. VII: *Neue Themen und Methoden der Geschichtswissenschaft*, Stuttgart 2003, S. 14-80.

⁴ Cp. *Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*, München 1987.

⁵ Dirk van Laak: *Gespräche in der Sicherheit des Schweigens. Carl Schmitt in der politischen Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik*, Berlin 1993.

Тогда, в начале 1990-х, некоторое время казалось, что фатальная история XX века со всеми ее войнами и идеологическими конфликтами навсегда ушла в прошлое. Ее сменила новая фаза, в которой национальные государства мирно сотрудничают друг с другом и не требуют пересмотра своих границ. Нации и собственно национализм никто не ставил под вопрос, даже сами историки. Но, во всяком случае, национальные истории XX века стали сравнивать между собой.⁶

Поскольку в ретроспективном взгляде на так называемую «эпоху крайностей» такие сравнения для XX века напрашивались сами собой,⁷ казалось, что завершенная эпоха осталась позади и ждет того, чтобы ее «историзировали». Я сам испытал на личном опыте, как в 1990-х гг. разбирались исторические мифы бывшей ГДР, как постоянно сравнивались между собой история Западной и Восточной Германии.⁸ Спрашивали и о том, что все же связывало оба немецких государства, несмотря на 40 лет государственного разделения. И зачастую связывало больше, чем думали до того.⁹

Еще один опыт, который в эту эпоху могли испытать жители Западной Европы: неспешно эволюционировавшее с 1950-х гг. Европейское Сообщество получило в 1990-х гг. мощный импульс для развития. В результате договора в Маастрихте 1992 г. был основан Европейский Союз, очень быстро он пополнился многими новыми членами.¹⁰ Как бы ни оценивать этот процесс, для самих европейцев он был связан с удивительным переживанием исчезающих границ, растущей свободы передвижения и все теснее сближающихся друг с другом обществ. Страны, которые до того были в общем-то чужими, теперь разделяли друг с другом не только экономические, но и политические интересы. Не то, чтобы немцы, испанцы или итальянцы стали вдруг по-настоящему интересоваться национальной историей соседей – утверждать такое было бы преувеличением. Но ни один гражданин этих стран не может упустить из внимания, что все больше немцев, испанцев или итальянцев оказываются в других странах, что речь идет даже не о выросшем в разы туризме, но и о миграции рабочей силы, и быстром экономическом и правовом срастании друг с другом.

Историческое сознание и в европейских странах до сего дня остается по преимуществу национально ориентированным. Это связано с тем, что современная историческая наука возникла в XVIII – XIX вв. в качестве побочного феномена

⁶ Hartmut Kaelble: *Der historische Vergleich. Eine Einführung zum 19. und 20. Jahrhundert*, Frankfurt am Main/New York 1999.

⁷ Eric Hobsbawm: *Age of Extremes 1914-1991: The Short Twentieth Century*, London 1995.

⁸ Christoph Kleßmann/Hans Misselwitz/Günter Wichert (Hg.): *Deutsche Vergangenheiten – eine gemeinsame Herausforderung. Der schwierige Umgang mit der doppelten Nachkriegsgeschichte*, Berlin 1999.

⁹ Udo Wengst/Hermann Wentker (Hg.): *Das doppelte Deutschland. 40 Jahre Systemkonkurrenz*, Bonn 2008.

¹⁰ Wilfried Loth: *Europas Einigung. Eine unvollendete Geschichte*, Frankfurt/Main 2014.

создания национальных государств.¹¹ Нередко история определяла себя даже в качестве прикладной науки при строительстве нации и в решающей степени способствовала созданию «воображаемых сообществ» („imagined communities“).¹² И до сих пор не только многие политики, но и историки делают вид, что нации – это естественный продукт всего исторического; еще лучше, если это такие нации, у которых четко очерченная территория, единая культура, язык и этнос.¹³ Однако такого в истории никогда и нигде не существовало. Попытки искусственно согласовать эти факторы между собой представляют собой скорее наиболее проблематические аспекты истории прошедших двух столетий – поскольку они привели к насильственным перемещениям населения и «этническим чисткам», а значит, стали причиной многих страданий. Сегодняшние исследования однозначно показывают, что идеи национального государства и так называемого «права наций на самоопределение» имели и имеют свою темную сторону насилия.¹⁴

Само собой очевидно, что с 1990-х гг. новый интерес вызвала история международных отношений. Ситуация в мире после холодной войны, с ее казавшимися столь четкими фронтами, требовала исторических знаний и анализа.¹⁵ Почему после 1991 г. Югославия распалась и погрузилась в войну, которую Европа не видела уже 50 лет, можно было понять лишь исходя из истории. Изменилась вся мировая ситуация, не только для бывших западного и восточного блока, но и для стран южного полушария, за которые долгое время конкурировали оба блока, и которые теперь в большей степени были предоставлены сами себе.¹⁶

История международных отношений отличается тем, что она интересуется прежде всего международными конфликтами и сотрудничеством, но ее проблема заключалась в том, что политическая ситуация в мире с 1990-х гг. была беспрецедентной и в исторической перспективе она не могла ничего дать непосредственно для понимания современности.

¹¹ Christoph Conrad/Sebastian Conrad (Hg.): Die Nation schreiben. Geschichtswissenschaft im internationalen Vergleich, Göttingen 2002. Heinz Duchhardt (Hg.): Nationale Geschichtskulturen – Bilanz, Ausstrahlung, Europabezogenheit, Stuttgart 2006. Stefan Berger (Hg.): Writing the Nation. A Global Perspective, Basingstoke 2007. Susana Carvalho/François Gemenne (Hg.): Nations and their Histories. Constructions and Representations, Basingstoke 2009.

¹² Eric Hobsbawm/Terence Ranger: The Invention of Tradition, Cambridge 1992.

¹³ Hans-Ulrich Wehler: Nationalismus. Geschichte, Formen, Folgen, München 2011.

¹⁴ Philipp Ther: Die dunkle Seite der Nationalstaaten. „Ethnische Säuberungen“ im modernen Europa, Göttingen 2011. Более позитивно о праве на самоопределение Erez Manela: The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism, Oxford/New York 2007.

¹⁵ Wilfried Loth/Jürgen Osterhammel (Hg.): Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten, München 2000.

¹⁶ Vijay Prasad: The Darker Nations. A People's History of the Third World, New York 2008. Odd Arne Westad: The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times, Cambridge 2007.

Иное дело – другой феномен, корни которого были скорее в XIX столетии и который получил новую актуальность благодаря социальным движениям 1970-х-1980-х гг., феномен **интернационализма**. Под этим подразумевается не политический интернационализм, который отличал, к примеру, Социалистический или Коммунистический Интернационал. Речь идет о появляющемся в XIX в. опыте того, что благодаря технике, науке, транспорту и обменам человечество все больше сближается друг с другом, и что необходимы лица или институты, которые могли бы администрировать эти процессы миролюбивым и сбалансированным образом.¹⁷ Имеются в виду такие разные институты как Международный Красный Крест, Всемирный почтовый союз, международные агентства новостей, или инициативы по учреждению всемирного языка, как эсперанто. Их деятельность долгое время оставалась затушеванной деятельностью политиков или процессами экономического развития.

По окончании холодной войны становилось все яснее, что безопасность и стабильность мировой политической ситуации решающим образом определялись совместными интересами, выработке которых долгие десятилетия способствовали такие институты международного сотрудничества и горизонтальных связей (Vernetzung).¹⁸ История интернационализма в таком смысле – идея прав человека, международной борьбы против рабства, эпидемий или за охрану окружающей среды – теперь относится к наиболее активным и наиболее быстро развивающимся отраслям исторической науки. Сюда же относится **история международных организаций**, которые работают не под эгидой правительств, а являются самостоятельными акторами, действующими поверх границ – например, научные или технические союзы и международные конгрессы, на которых происходит международная координация и обмен фонда знаний.¹⁹

Параллельно этому с 1990-х гг. стала развиваться **история глобализации**. Термин «глобализация» появился в словарях только с 1960-х гг., и он обозначал процессы,

¹⁷ Martin Geyer/Johannes Paulmann (eds.): *The Mechanics of Internationalism. Culture, society and politics from the 1840s to the First World War*, Oxford 2001.

¹⁸ Johan Schot/Vincent Lagendijk: *Technocratic Internationalism in the Interwar Years: Building Europe on Motorways and Electricity Networks*, in: *Journal of Modern European History*, Vol 6, No 2/2008, p. 196-216. Alec Badenoch/Andreas Fickers (eds.): *Materializing Europe. Transnational Infrastructures and the Project of Europe*, Houndmills 2010.

¹⁹ Akira Iryie: *Global Community. The Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World*, Berkeley 2002. Madeleine Herren: *Internationale Organisationen seit 1865. Eine Globalgeschichte der internationalen Ordnung*, Darmstadt 2009.

которые ранее описывались терминами «мировая политика», «мировая внутренняя политика», «планетаризация», «интернационализация», «мир», и т.п.²⁰

История глобализации заинтересована в процессах, которые привели к увеличивающемуся сплетению между собой до того автономных континентов, крупных регионов и наций. Прежде всего, это история путешественников, открывателей и исследователей территорий планеты, которые ранее были им чужими, история собирания знаний об экзотических местностях и народах.²¹

Затем, на следующем витке это также история обмена людьми, товарами, идеями и информацией поверх существующих или воображаемых границ, история экономических, политических и культурных трансферов, творческой переработки и обратного влияния такого обмена на исходные коллективы.²² История глобализации стремится выявить фазы, в которые создание горизонтальных связей шло ускоренными темпами – как в конце XIX века – или такие фазы, в которых обмен переживал стагнацию, даже регресс, как в эпоху после Первой мировой войны или в течение холодной войны для территории за «железным занавесом».

История глобализации означает также постановку вопросов о причинах, сфере влияния и воздействии горизонтальных связей и перекрещивания. Это также всемирная история в особом понимании, которая исходит из существующей реальности опутанной многообразными связями планеты и изучает историю формирования этого феномена.²³ Согласно определению Юргена Остерхаммеля (Jürgen Osterhammel) и Нильса Петерсона (Nils Peterson), она занимается «распространением, умножением и ускорением глобальных связей».²⁴

Существенный импульс обратиться к этой перспективе имеет критический характер. Ибо в особенности кажущаяся неудержимой власть глобализации, перед которой часто принимают защитные меры не только отдельные люди, но и целые национальные правительства, требует ответа на вопрос, кто собственно скрывается за ней, кто обладает сегодня истинной властью. Со времен Карла Маркса ответственными за это в классическом варианте объявляются международные экономические интересы, особенно действующих на глобальной арене банков и концернов, которые якобы в

²⁰ Понятие «глобальной деревни» („global village“) авторства теоретика средств коммуникации Маршалла МакЛюэна (Marshall McLuhan: *Understanding Media. The Extensions of Man*, New York 1964).

²¹ Mary Louise Pratt: *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*, London/New York 1992.

²² Benedikt Stuchtey (ed.): *Science Across the European Empires, 1800-1950*, Oxford 2004. Kapil Raj: *Relocating Modern Science. Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650-1900*, Houndmills 2007.

²³ Armand Mattelard: *Networking the World 1794-2000*, Minneapolis/London 2000.

²⁴ Jürgen Osterhammel/Niels P. Petersson: *Geschichte der Globalisierung. Dimensionen – Prozesse – Epochen*, München 2003.

погоне за прибылями не признают более отечества и ответственности перед обществом.²⁵ Справедливо ли это, я тут оставляю открытым. Укажу лишь на новое, достаточно многообещающее разделение в исторической науке на тех кто *выигрывает*, и тех, кто *проигрывает от глобализации*. Но ставить такие вопросы имеет смысл только тогда, когда и глобализация понимается как процесс, запущенный людьми, а не естественно обусловленный и не необратимый.

Сам я в своих исследованиях пришел к вопросам глобализации, как и многие другие ученые, обратившись к одной из специфических сторон мирового сближения – **колониальной истории**.²⁶ В Германии в течение долгого времени практически было предано забвению, что Германская империя когда-то, в 1884-1914 гг., владела несколькими колониями в Африке и в Южных морях. Европейская колониальная история была частью почти каждой национальной истории Европы. Но прежде всего она составляла чрезвычайно значительный аспект глобализации. Колониализм появился в результате исследований чужих территорий и был направлен на то, чтобы овладеть или подчинить себе эти территории. Пусть в политическом отношении колониальная политика, как правило, проваливалась, и в эпоху деколонизации после 1945 г. почти везде в мире она завершилась. Однако каждое из «своих» и «чужих» обществ в эпоху колонизации испытало глубокие взаимные влияния и изменения благодаря встречам и столкновениям друг с другом.

Это применимо даже для Германии, у которой колониальная эпоха в сравнении с Францией, Англией или Нидерландами была относительно короткой (1884-1914/18). Исследователи обсуждали, помимо того, была ли попытка немцев в ходе Второй мировой войны захватить Восточную Европу, и прежде всего Советский Союз, нечто вроде продолжения германской колониальной политики, которая в остальном окончилась в Первую мировую войну. По моему мнению, при всех параллелях это все же нечто фундаментально иное.²⁷

Сейчас я изучаю со своими студентами, какие следы оставила германская колониальная эпоха в регионе, где находится университет Гиссена, федеральной земле Гессен. И мы обнаружили, например, что совсем неподалеку от нас в 1898 г. была основана ведущая школа в Германии по обучению колониальных поселенцев и

²⁵ Benjamin Barber: *Coca-Cola und Heiliger Krieg*, Bern/München 2001 (engl. "Jihad vs. McWorld. How the Planet is Both Falling apart and Coming Together"). Dwayne R. Winseck/Robert M. Pike (eds.): *Communication and Empire. Media, Markets, and Globalization, 1860-1930*, Durham/London 2007.

²⁶ Dirk van Laak: *Imperiale Infrastruktur. Deutsche Planungen für eine Erschließung Afrikas 1880 bis 1960*, Paderborn u.a. 2004.

²⁷ Об этом Dirk van Laak: *Über alles in der Welt. Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert*, München 2005.

сельских хозяев. Она существует даже до сих пор – конечно, уже не как колониальная школа, но все же это часть соседнего университета в Касселе, в ней изучается тропическое сельское хозяйство. Теперь здесь учится много африканцев и азиатов. Вместе со своими студентами я обнаруживаю также, что до сих пор существуют памятники, напоминающие о германской колониальной эпохе, что названия нескольких немецких улиц напоминают о местностях, когда-то относившихся к германской колониальной империи, и что многие по сию пору существующие музеи были основаны когда-то на основе коллекций, собранных в колониальных владениях.²⁸

Таким образом, мы ведем исследования, соединяющие глобальное и локальное. Это также одно из удивительных открытий истории глобализации: она может показать, что все мы, вплоть до самых отдаленных мест и сельских регионов, отмечены свидетельствами контактов с далекими странами, и эти свидетельства часто имеют очень давнюю историю. Уже многие столетия мы питаемся продуктами, происходящими с других континентов. Не всегда мы сознаем, какой путь они уже с давних пор проходят, чтобы мы могли ими насладиться – достаточно назвать кофе и чай, многие специи, сахар и соль, фрукты и крупы, табак и текстиль, рыбу и мясо, древесину и масло, и бесчисленное множество прочих продуктов, которые должны были далеко путешествовать, но уже давно представляются нам чем-то само собой разумеющимся.²⁹

Но если посмотреть на эти пути с научной точки зрения, часто появляются исключительно интересные истории, например, о трехсторонней торговле между Европой, Африкой и Америкой, где обменивались друг на друга деньги, товары и рабы, или о далеких путях растений и животных, прижившихся или акклиматизировавшихся в совершенно иных местах земного шара. В целом нехватка ресурсов – не только золота или алмазов, но и питательных веществ или редких металлов – была всегда мощным импульсом для того, чтобы выйти за национальные границы, присвоить себе чужие вещи, при этом покорив чужие общества и заставив их работать на себя или просто торгуя с ними. Но к **транснациональной** истории относятся также изменения ландшафтов, строительство транспортной и коммуникационной инфраструктуры, трансфер растений и животных и наконец, проблемы экологии, которые возникли по

²⁸Vgl. <ilias.uni-giessen.de/ilias/goto.php?target=wiki_46789_Hessen_%28post%29kolonial&client_id=JLUG>.

²⁹ Reinhard Wendt: Vom Kolonialismus zur Globalisierung. Europa und die Welt seit 1500, Paderborn 2007.

всему миру, в частности благодаря глобальному распространению индустриализации и туризма.³⁰

Все это вопросы, которые ставят в тупик классическое ориентированное на национальное государство видение истории, потому что акторы и агенты перемен в основном – не государственные, а национальные границы для них едва ли имеют значение. Поэтому уже несколько лет говорят о «**перекрестной истории**» (*verflochtene Geschichte /histoire croisée/ entangled history*).³¹ Она описывает процессы, которые происходят между различающимися в пространственном и культурном отношении акторами, которые обычно затрагивают и меняют обоих акторов. Результаты этой интеракции называют «гибридизацией». То есть, возникает нечто, не запланированное сознательно ни одной из участвующих сторон, то, что включает в себя элементы обеих культур, но представляет собой одновременно нечто третье, нечто новое.

Остается еще охарактеризовать так называемую «**глобальную историю**» (*Globalgeschichte*), отличающуюся в свою очередь от «истории глобализации». Она может быть понята как стремление придать историческое измерение реально существующим глобальным взаимосвязям.³² Это, однако, поднимает целый ряд вопросов и проблем. Следует ли полагать, что глобальная история имеет в виду конечную эволюцию к взаимозависимому и единому миру? И как будет выглядеть такой мир?

Если ставить эти вопросы, глобальная история сближается с **универсальной историей** XVIII и раннего XIX вв., когда мировую историю рассматривали с философской подоплекой и стремились увидеть в ней признаки постепенного осуществления прав человека, мира, свободы, терпимости, демократия и равноправия. Так это рассматривал, например, Фридрих Шиллер, или, немного с иными акцентами, Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Современные же макросоциологи иногда заставляют думать, что хотя пространство и время были решающими критериями в прошлом, но они перестанут быть таковыми в будущем, когда все будет связано друг с другом, будет происходить синхронно, а пространственные дистанции потеряют значение.³³

³⁰ Прекрасный компендиум новых взглядов на историю: Akira Iriye/Pierre-Yves Saunier (ed.): *The Palgrave Dictionary of Transnational History*, Houndmills 2009. Michel Espagne/Michael Geyer/Matthias Middell: *European History in an Interconnected World: An Introduction to Transnational History*, Houndmills 2010.

³¹ Michael Werner/Bénédicte Zimmermann: *Der Ansatz der Histoire croisée und die Herausforderung des Transnationalen*, in: *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 28 (2002), S. 607-636.

³² Ср. шеститомное издание глобальной истории, выходящее с 2012 г. в США под названием “History of the World”, а в Германии “Geschichte der Welt”, под редакцией Акиры Ирие (Akira Iriye) и Юргена Остерхаммеля (Jürgen Osterhammel).

³³ Например, Manuel Castells: *The Rise of the Network Society* (1996ff.).

Многое, однако, говорит в пользу того, чтобы избегать слишком поспешной синтеза глобальной истории и ориентирования ее к одной цели. Скорее ее следует рассматривать как процесс, который никоим образом не является ни прямолинейным, ни направленным к определенной цели. В глобальной истории проявляются скорее многочисленные зоны разрывов, восходящих и закатывающихся государств и империй, регионов, которые снова попадают в забвение – как, к примеру, в Африке – провинциализация некогда центральных мест и т.п. Глобальная история обращает внимание на вещи, которые смещаются, однако при этом редко чего-нибудь достигают. Поэтому так представительно в ней представлены процессы миграции людей, вещей и идей.³⁴

С этой точки зрения напрашивается вопрос, существует ли что-то подобное «естественным границам» в реальности или эта идея была конструктом определенной эпохи и определенных интересов.³⁵ Политическая география конца XIX в. Подчеркивала эту категорию, чтобы оправдать экспансию наций и сдвиги границ. На самом деле, почти любую границу можно объяснить с исторической точки зрения. Глобализация и образование национальных государств были процессами, которые стимулировали и усиливали друг друга. Подчеркивание единства национальных государств и определение возможно более интегрированных территорий с XIX века можно объяснить только, если принять во внимание, что в то же время границы все более размывались, что люди становились более мобильными, а обращение товаров и идей затрагивало все более широкие круги.³⁶ Поэтому глобальная история часто говорит о процессах де-территориализации и ре-территориализации, о воображаемых картах (*mental maps*) и воображаемых сообществах (*imagined communities*).³⁷

Образование национальных государств, таким образом – во многом скорее акт защиты, в процессе которого всегда создавались объединения, носившие лишь временный характер и подчиненные временному политическому контролю – пока транснациональные процессы эти определения и фиксации снова не размывали, не подвергали критике и не принуждали к новым модификациям. Поэтому в глобальной истории перманентно присутствует амбивалентность между стремлением к национальной самостоятельности (или протекционизму в экономической сфере) с

³⁴ Matthias Middell/Ulf Engel (eds.): Bruchzonen der Globalisierung, in: *Comparativ*, No. 5/6 (2005) 15.

³⁵ Robin A. Butlin: *Geographies of Empire. European Empires and Colonies c. 1880-1960*, Cambridge 2009.

³⁶ Sebastian Conrad: *Globalisierung und Nation im deutschen Kaiserreich*, Muenchen 2006.

³⁷ Benedict Anderson: *Imagined Communities. Reflections o the Origins and Spread of Nationalism*, London 1983. Frithjof Benjamin Schenk: *Mental Maps. Die Konstruktion von geographischen Räumen in Europa seit der Aufklärung*, in: *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 28 (2002), S. 493-514.

одной стороны, и стремлением к трансграничному сотрудничеству (например, свободная торговля) с другой стороны. При масштабном сравнительном взгляде на мировую историю регионов и наций ничто почти не остается «естественным» - и это мне представляется одной из наиболее сильных сторон глобальной истории. Тогда как всегда оказывается, что повседневность истории состоит из компромиссов, смешений, миграций и временных соглашений.³⁸

Тогда как вопросы власти, определяющие международную историю, в сравнении с этим затушеваны – например, в вопросе, кто создает международные стандарты, кто и до какой иерархической ступени доходит в соревновании политических, экономических, технических и культурных систем, которые, если они призваны функционировать на международной арене, должны быть синхронизированы и нормированы – например, в авиационном транспорте или при финансовых операциях.³⁹ Вместо слишком крупных политических конференций, в которых в классической форме решаются судьбы стран, территорий или населения, глобальные историки часто изучают научные конгрессы ученых и экспертов, на которых решались вопросы о введении метрической системы, о технической координации в вопросах телеграфии, об использовании древесины, вопросах экологии или совместного освоения Антарктики. Лига Наций и ООН также стали объектами оживленного исследовательского интереса. Если исследовать, что сделали они и подчиненные организации, часто практически незаметно для посторонних глаз, итоги нередко выглядят гораздо более впечатляющими, чем это кажется с первого взгляда исходя из политических итогов, из-за высоко поднятой планки ожиданий, как правило не исполненных.⁴⁰

Новый интерес историков прикован к феноменам, которые в перспективе всемирной истории оказались гораздо более устойчивыми, а в чем-то и успешнее, чем национальные государства – великим державам и империям. В их случае исследуется не только то, как они могли сохраняться, часто в течение многих столетий, и не обязательно за счет применения политики военного давления.⁴¹ Интерес представляет и

³⁸ В качестве удачного примера: Harald Fischer-Tiné: 'Global Civil Society and the Forces of Empire: The Salvation Army, British Imperialism and the 'pre-history' of NGOs (ca. 1880-1920)', in: Sebastian Conrad/Dominic Sachsenmaier (eds.): *Competing Visions of World Order: Global Moments and Movements, 1880s–1930s*, New York 2007, S. 29-67.

³⁹ Craig N. Murphy/JoAnne Yates: *The International Organization for Standardization. Global Governance through Voluntary Consensus*, London 2008. Roland Wenzlhuemer: *The History of Standardisation in Europe*, in: *European History Online (EGO)*, published by the Institute of European History (IEG), Mainz 2010-12-03. URL: <http://www.ieg-ego.eu/wenzlhuemerr-2010-en> URN: urn:nbn:de:0159-20100921441 [02.01.2013].

⁴⁰ Cp. <www.lonsea.de>.

⁴¹ John Darwin: *Der imperiale Traum. Die Globalgeschichte großer Reiche 1400-2000*, Frankfurt/New York 2010. Jörn Leonhard/Ulrike von Hirschhausen (eds.): *Comparing Empires: Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*, Göttingen 2012.

вопрос о том, не являлись ли империи более гибкими по отношению к миграции и интеграции меньшинств, или говоря в общем, в контакте с многообразием. В этой связи кажется, что империи с их более гибкими границами больше заслуживают названия современных, чем национальные государства. Утверждение американского политолога Сэмюэля Хантингтона в 1990-х гг., что миру предстоит пережить «столкновение цивилизаций», обнаружило перспективу или, по крайней мере, привлекло внимание к тому, что глобальное создание горизонтальных связей, обращение товаров, людей и идей отнюдь не создает еще единый мир, но вызывает также культурные и религиозные защитные рефлексы.⁴² Диалектика процессов открытия границ и потребностей людей в определении обозримых пространств со специфическими каждому из них нормами права, культуры и морали сохраняется по-прежнему.

Глобальная история стоит, таким образом, перед вопросом, который стоял уже перед всемирной историей: кто должен исследовать и описывать эту историю? Кто обладает необходимыми компетенциями для того, чтобы представить самые разнообразные регионы и части мира? Вряд ли это по силам отдельным людям. Так же, как и ранее во всемирной истории, на это решаются в общем лишь аутсайдеры вроде Освальда Шпенглера, Арнольда Дж. Тойнби или Уильяма Харди Макнила. Лишь для отдельных фаз глобальной истории имеются убедительные обзорные труды индивидуального авторства – для XIX века британца Кристофера Бейли и немца Юргена Остерхаммеля.⁴³ Другие глобальные истории созданы целым рядом специализирующихся по определенным регионам авторов, которые представляют единичные аспекты.

Раньше «королевской дисциплиной» историка была история национальная. Тогда как мировая история считалась уделом аутсайдеров, а история регионов и отдельных местностей – областью для дилетантов. Теперь же, похоже, можно и нужно присутствовать на *всех* пространственных уровнях. Иерархия компетентности, выстраивание шкалы якобы более и менее ценных полей исторического исследования – все это перестает быть типичным.⁴⁴ Поскольку все в конечном итоге так или иначе связано со всем, необходимо иметь в виду все эти уровни. На практике, конечно, историки должны ограничивать себя и выбирать специализацию. В то же время в

⁴² Samuel R. Huntington: *The Clash of Civilizations*, New York 1996.

⁴³ Christopher Bayly: *The Birth of the Modern World, 1780-1914. Global Connections and Comparisons*, Oxford 2005. Jürgen Osterhammel: *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*, München 2009. В серии *Historia Rossica – studia europaea* издательства НЛЮ и Германского исторического института готовится выход в свет в 2015 г. русской версии труда Юргена Остерхаммеля (*прим. ред.*).

⁴⁴ Michael Geyer/Charles Bright: *World History in a Global Age*, in: *American Historical Review* 100/1995, Vol. 4, S. 1034-1060. Patrick Manning: *Navigating World History. Historians Create a Global Past*, Houndmills 2003.

принципе они хорошо подготовлены для исследования комплексных структур, поскольку должны постоянно определять границы применимости своих тезисов – для определенного пространства, определенной эпохи, либо для определенного социального слоя.

Помимо этого надо учитывать – и теперь более, чем когда-бы то ни было – и определенный предварительный характер тезисов. Поскольку отличительной чертой предыдущих эпох в историографии была постоянная тенденция считать собственную историю самой важной, собственную стадию исторического развития самой прогрессивной, а собственные ценности – определяющими. Перспектива видения всемирной истории обычно исходила из центра. Описывалась определенная ойкумена – мир, который был знаком – при склонности делить его на передовую цивилизацию, с одной стороны, и мир варваров или отсталых – с другой. Так возникали смыслообразующие сакральные истории, которые легитимировали собственную точку зрения и, как правило, негативно оценивали чужие.⁴⁵

Сегодня региональной историей или так называемыми **area studies** занимаются без этих предпосылок – или, по крайней мере, так следует ими заниматься.⁴⁶ Поскольку, по моему мнению, из наиболее захватывающего в глобальной истории то, что она делает очевидным предварительность и ограниченность собственного знания. Если мне позволено говорить в общем от имени европейцев, то они долгое время полагали, что об истории Латинской Америки, Африки, Океании или Китая достаточно знать минимум или вообще ничего, поскольку в сравнении с высоко развитыми цивилизациями Европы речь идет практически о «неисторических народах».⁴⁷ Сегодня это осуждается как фактически «колониалистская» позиция – но прежде всего это просто неправда. Чем больше мы узнаем о других регионах мира, тем больше Европа становится одной из «мировых провинций» среди других.⁴⁸

В качестве пары примеров: если бы султан Баязид II не запретил в 1485 г. книгопечатание, которое оставалось затем в Османской империи до XIX века строго регламентированным, или если бы китайский флот в том же столетии не повернул перед африканским побережьем назад, потому что преемнику императора Чжэн Хэ дальние морские экспедиции казались авантюрой, - кто знает, каким путем пошла бы

⁴⁵ Cp. Jürgen Osterhammel: Weltgeschichte, in: Stefan Jordan (Hg.): Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe, Stuttgart 2002, S. 320-324.

⁴⁶ Birgit Schäbler (Hg.): Area Studies und die Welt: Weltregionen und die neue Globalgeschichte, Wien 2007.

⁴⁷ Eric Wolf: Europe and the People without History, Los Angeles 1982.

⁴⁸ Dipesh Chakrabarty: Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference, Princeton 2000.

мировая история. Ибо случай играет в истории такую же важную роль, как и иные, ранее игнорировавшиеся факторы – например, изменения климата и погоды.⁴⁹

Новый взлет популярности переживает подход к истории через исследование показательных единичных ситуаций. На макроуровне это так называемые «переломные моменты», «вехи» или «звездные часы» истории.⁵⁰ На микроуровне это истории одной в прямом смысле слова меняющей мир вещи или одного ресурса, изобретения, идеи и их глобального распространения – например, уже упомянутых пряностей, или луковиц тюльпана или определенного оружия, как знаменитый АК-47 «Калашников».⁵¹ Или это то, что носит несколько неуклюжее обозначение «глокализации», то есть влияние глобальных перемен на местном, локальном уровне.⁵² Это также процесс диалектический и взаимозависимый. Для примера: меры по защите определенных видов животных, например, слонов, сказываются на промысле резьбы по слоновой кости в Оденвальде, местности в центре Германии. В сфере экономики такие глобальные, но имеющие локальные последствия процессы, встречаются чаще всего.⁵³ Особенно плодотворно в этой связи исследовать глобальное влияние, скажем, какао или хлопка.⁵⁴

Биографии тоже могут служить своеобразным способом описания множественности процессов и опыта – особенно биографии лиц, которые жили в нескольких разных местах и много передвигались по свету. Получается, что они следовали «транснациональному» образу жизни; и этот модус вивенди становится, чем ближе мы подходим к современности, тем больше скорее правилом, чем исключением.⁵⁵

Как в 1980-х годах национальные истории были распространены на значительно более широкий круг акторов, так же за прошедшие двадцать лет мировая история была «глобализирована» и снова распространена на большее число акторов. В то же время становится все труднее выявлять в историческом развитии определенные тенденции.

⁴⁹ Richard H. Grove: *Ecology, Climate and Empire. Colonialism and Global Environment History, 1400-1940*, Cambridge 1997. Alfred W. Crosby: *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900*, New York 1986. Jared Diamond: *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*, New York 1997.

⁵⁰ Ср. например Alexander Demandt: *Sternstunden der Geschichte*, München 2004.

⁵¹ Ср. как показательный пример Mike Dash: *Tulpenwahn. Die verrückteste Spekulation der Geschichte*, München 1998.

⁵² Angelika Epple: “Global History” und “Area History”. Plädoyer für eine weltgeschichtliche Perspektivierung des Lokalen, in: Birgit Schäbler (Hg.): *Area Studies und die Welt. Weltregionen und neue Globalisierung*, Wien 2007, S. 90-116. Angelika Epple: *Lokalität und die Dimensionen des Globalen. Eine Frage der Relationen*, in: *Historische Anthropologie*, 21.Jg. 2013/1, S. 4-25.

⁵³ Ср. Ernst Giese/Ivo Mossig/Heike Schröder: *Globalisierung der Wirtschaft. Eine wirtschaftsgeographische Einführung*, Stuttgart 2011.

⁵⁴ Sven Beckert: *King Cotton. Eine Globalgeschichte des Kapitalismus*, München 2014.

⁵⁵ Angela Woollacott/Desley Deacon/Penny Russell (eds.): *Transnational Lives. Biographies of Global Modernity, 1700-Present*, New York 2010.

Поскольку чем больше требуется учесть факторов, тем сложнее сделать выводы. Однако времена, когда ход мировой истории можно было свести к деятельности отдельных государственных мужей, остались в прошлом. Пусть это и было очень наглядно, но одновременно и очень упрощенно.

В то же время в глобальной истории есть опасность того, что все представляется исторически переменчивым и сконструированным. Однако историческая наука должна сотрудничать со многими другими дисциплинами и ставить вопросы, что меняется – если меняется вообще – и в каких временных промежутках. При этом необходимо различать между процессами более устойчивыми, как природные данные или антропологические константы, и такими, которые подвержены более сильным и скорым переменам – как это обрисовал уже достаточно давно французский историк Фернан Бродель в своей книге о мире Средиземноморья.⁵⁶ Новые знания в биологии, метеорологии или медицине часто открывают собой новые неизведанные перспективы в нашем понимании истории. Для этого тоже уже придуман термин, так называемая «большая история» - „**Big History**“ – в которой объединяются история природы и история человечества. При этом история, сотворенная руками людей, с одной стороны сильно релятивируется во времени. С другой стороны, тем явственнее становится, как сильно повлияло человечество на состояние природы за последние двести-триста лет.⁵⁷

Итак, уважаемые дамы и господа, я сделал Вас – в том числе на своем собственном примере – участниками процесса расширения горизонта вопросов исторических исследований. Надеюсь, у Вас от этого не закружилась голова, но наоборот, появилось желание дальше размышлять над размыванием пространств. Над чем бы Вы сами сейчас ни работали – изучением локального, регионального, национального или глобального феномена – надеюсь, я побудил Вас иметь в виду и другие пространственные уровни. Ибо это, в конечном счете, большая привилегия нашей деятельности как историков: мы можем обратиться практически ко всем вопросам, представляющим интерес, главное, чтобы они касались истории, которая уже в прошлом. Однако с другой стороны, по моему мнению, принимая во внимание бесконечность познания истории, эпохи открытий и исследований еще лежат перед нами впереди.

⁵⁶ Fernand Braudel: *La méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, Paris 1949.

⁵⁷ Fred Spier: *The Structure of Big History from the Big Bang until Today*, Amsterdam 1996. David Christian: *Maps of Time. An Introduction to Big History*, Berkeley 2005.